

Так значит, та мягкая, покорная и легко уступающая женщина, что лежала вчера на кресле, — это действительно Бай Синь.

Надежда на примирение теперь призрачна: в книге Бай Синь — холодная, злопамятная, коварная и мстительная безумица. Достаточно вспомнить, как она только что внезапно напала на неё с вазой. Она затаилась, выждала, пока та ослабит бдительность, и тут же перешла в атаку. Если бы не быстрая реакция, сейчас пришлось бы отправиться в очередной другой мир.

Постойте. Кажется, тут что-то не так...

Бай Синь — бывшая жена главной героини, она тоже должна быть альфой. Но тот, с кем она провела ночь, — очевидно, омега. Причём нежная, податливая, словно вода, омега.

Не успела она ничего предпринять, как дверная ручка повернулась. Чэн Цзицин нахмурилась, и в тот момент, когда дверь распахнулась, молниеносным движением схватила лежавшее на кровати одеяло и накрыла им Бай Синь.

Бай Синь прервала её мысли.

Затем Чэн Цзин нахмурилась и подошла ближе: Что вы наделали?!

Чэн Цзицин была уверена, что не перепутала сюжет романа. Неужели в реальности всё сложилось иначе? Или же те главы, которые она не успела прочитать, содержали поворот, связанный с Бай Синь?

Размышления заняли у Чэн Цзицин лишь мгновение. Если бы не крайняя необходимость, она бы не стала удерживать Бай Синь.

Чэн Цзин легко уловила феромоны, принадлежавшие Чэн Цзицин, — аромат персиков. Комната была пропитана запахом близости альфы и омеги, и цветочный аромат феромонов невозможно было игнорировать.

Чэн Цзицин опустила взгляд: щеки Бай Синь горели ярким румянцем, она была прекраснее лилий, нежнее роз. Аромат, который она источала, действовал как приманка.

К разочарованию Чэн Цзицин, Чэн Цзин лишь на мгновение прищурилась, но не ответила на этот выпад. Отпустив человека, Чэн Цзицин до конца сохраняла вежливость и не опускала взгляд ниже шеи.

Чэн Цзицин вздрогнула: это было её детское прозвище из реальности, которое хейтеры-авторы вписали в книгу.

Чэн Цзицин встала. У Чэн Цзин были короткие каштановые волосы и серый деловой костюм, а в глазах, устремленных на сестру, читалась тревога, сменившаяся яростью, когда она увидела фигуру, копошащуюся у ног младшей.

Только теперь Чэн Цзицин поняла, что память оригинала здесь охватывает лишь недавние события, и она не могла найти причину, по которой они с Чэн Цзин враждуют. Но она чувствовала обрывки воспоминаний...

Альфы излучают подавляющие феромоны, когда злятся, но уровень Чэн Цзицин был выше, чем у Чэн Цзин, поэтому на неё это не действовало.

В этот момент в дверях показалась холодная и эффектная женщина. Чэн Цзицин не могла позволить окружающим счесть её странной.

— Отпусти меня, — прошептала Бай Синь.

— Чэнчэн!

Родная сестра оригинала, Чэн Цзин.

Как только Чэн Цзицин опустилась на колени, собираясь подняться с пола, за дверью раздался неистовый стук, сопровождаемый криками. Чэн Цзицин слегка приподняла подбородок и усмехнулась: С какой стати мне враждовать с тобой?

Что-что, а входить в роль она умела.

Если бы ты еще могла объяснить мне причину, было бы совсем замечательно.

Она не забывала, что попала в книгу, и пока не поймет причин происходящего, не может вести себя так, будто ничего не случилось. Особенно теперь, когда она в теле никчемной альфы.

Она не заметила странного выражения лица Бай Синь, когда та совершила этот бессознательный жест.

Похоже, они выпили немало вина, воздух был пропитан алкоголем.

Эти обрывки воспоминаний нашептывали ей, что конфликт между оригиналом и Чэн Цзин — отнюдь не пустяк.

Разговаривая с Чэн Цзицин, Чэн Цзин снова бросила взгляд на одеяло.

Затылок у Чэн Цзицин был еще с того момента, но она заставляла себя переключить внимание. Теперь, когда ход мыслей прервался, тело налилось тяжестью.

Возможно, это чувство абсурдно, но Чэн Цзицин решила довериться интуиции.

Чэн Цзицин: Хорошо...

Чэн Цзицин устыдилась того, что невольно сглотнула слюну. В книге только один человек звал её так.

Нежные, страстные феромоны, смешанные с ароматом спиртного, придавали ауре Чэн Цзицин агрессивность. Это был первый раз, когда Бай Синь заговорила с ней таким мягким тоном.

Разница была лишь в том, что у них были разные мамы-омеги.

Хотя Бай Синь и была укрыта одеялом, она находилась совсем рядом с Чэн Цзицин. Её пальцы лежали совсем близко к ногам Чэн Цзицин, она замерла, и оттого запах альфы ощущался еще отчетливее.

Чэн Цзицин теперь понимала, насколько сильны феромоны омеги. Бай Синь — омега, это опасно? — размышляла про себя Чэн Цзицин.

Что еще можно было сделать?

— Это и есть твой способ враждовать со мной? — Чэн Цзин подавила гнев и перевела взгляд с кровати на лицо Чэн Цзицин. — Тебе доставляет радость так позорить себя?

— Что именно я сделала — должно быть очевидно, — Чэн Цзицин с блеском продемонстрировала бунтарский и враждебный настрой.

Она заметила, как Чэн Цзин сурово посмотрела на её ноги, и тоже опустила взгляд. Она укрыла Бай Синь плотно.

До прихода Чэн Цзин у Бай Синь уже проявлялись признаки течи. Вероятно, не желая, чтобы кто-то видел её в таком состоянии, она прятала лицо под одеялом, оставив снаружи лишь кончики тонких бледных пальцев.

Чэн Цзицин сама не знала почему, но возникло ощущение, будто их застучали за изменой. Затем она сделала шаг в сторону, перекрывая Чэн Цзин обзор.

Не дожидаясь ответа сестры, Чэн Цзицин добавила: Ты вошла без моего разрешения, не

кажется ли тебе это невежливым?

Чэн Цзин, не то уязвленная её тоном, не то возмущенная поступком, стала еще холоднее: Это я купила тебе эту виллу, и у меня нет права входить?!

Чэн Цзин: ...

— Я могу позволить тебе играть как хочешь, но ты не должна тащить в постель кого попало, только чтобы позлить меня! — Чэн Цзин вдохнула. — Чэнчэн... я не хочу, чтобы ты так поступала.

Кого попало? Сказать такое она бы не осмелилась.

Чэн Цзин вспомнила финал романа, где Бай Синь расправилась со всем семейством Чэн, и конец их был один страшнее другого. Но Чэн Цзин видела, что в глазах Чэн Цзин было искреннее разочарование. Даже зная, что у оригинала с сестрой серьезный конфликт, сама она ведь не была оригиналом, и какая ей разница до всех этих старых счетов?

Поэтому она не собиралась продолжать препираться с Чэн Цзин, а хотела лишь уладить текущую ситуацию.

— Уже поздно, — Чэн Цзин опустила глаза и увидела, как под снежно-белым одеялом слегка дрогнули тонкие пальцы Бай Синь. Сердце девушки странно екнуло, словно её поцарапал маленький котенок, которого она присмотрела в зоомагазине.

Чэн Цзин испугалась собственных мыслей и напомнила себе, что это безумная злодейка, а не кошечка. Она отвела взгляд: Выходи, мне нужно переодеться.

Чэн Цзин: Чэн Цзин!

Терпение Чэн Цзин было на исходе. Она и так была достаточно терпима к Чэн Цзин, почему же сестра не ценит её заботы? Она потянулась, чтобы оттолкнуть Чэн Цзин.

— Что ты делаешь? — Чэн Цзин не питала к Чэн Цзин никаких чувств, поэтому, почувствовав угрозу, тут же наполнила свою ауру подавляющим давлением.

Чэн Цзин было трудно принять такое отношение, и слова её стали резкими, хотя и не предназначались для сестры: Как? Грязная тварь смеет забираться в твою постель, но боится показаться мне на глаза?

Чэн Цзин увидела, как пальцы Бай Синь сжались — очевидно, та с трудом сдерживалась.

Она помолчала мгновение, затем наклонилась и откинула одеяло с лица Бай Синь, случайно коснувшись её руки — холодные на вид пальцы оказались горячими как пламя.

Она встретила взглядом с настороженными и свирепыми глазами Бай Синь. Если бы взгляд Бай Синь был хоть чуточку мягче, было бы прекрасно, подумала Чэн Цзицин.

Чэн Цзицин присела на край кровати: Ну что ж, посмотри хорошенько, кто это.

Убедившись, что Чэн Цзин всё разглядела, она накрыла Бай Синь обратно, на этот раз спрятав её свирепое лицо полностью.

Бай Синь: ...

Чэн Цзицин произнесла: Ты ведь её знаешь? Бывшая жена Цинь Юйфу. Неужели ты думаешь, что я стану спать с альфой?

Чэн Цзин, конечно, знала Бай Синь. Когда-то Чэн Цзицин натворила немало дел, чтобы вынудить Цинь Юйфу развестись с ней.

Услышав слова Чэн Цзицин, Чэн Цзин спросила: Тогда кто та омега, с которой ты развлекаешься? И почему Бай Синь здесь?

Чэн Цзицин скосила глаза на бугорок под одеялом. Отвечая на второй вопрос сестры: Запереть здесь обнажённую альфу-соперницу, как ты думаешь, зачем мне это?

— Конечно, чтобы унижить её.

Говоря это, Чэн Цзицин не сводила глаз с фигуры у своих ног.

Это звучало скверно, но Бай Синь предпочла признать это, не делая ни малейших попыток сопротивления.

Похоже, она догадалась верно. После прихода Чэн Цзин Бай Синь не двигалась не только потому, что не хотела показываться, но и главным образом потому, что не хотела раскрыть свой статус омеги. Она выдавала себя за альфу, чтобы скрыться.

Значит, теперь она узнала маленький секрет Бай Синь?

Чэн Цзицин облегченно вздохнула: это означало, что у неё появился хоть какой-то рычаг для переговоров с Бай Синь.

Выражение лица Чэн Цзин не стало лучше, ведь Чэн Цзинь не ответила на её первый вопрос. Она хотела продолжить расспросы, но кто-то позади произнес: Госпожа Чэн, собрание акционеров вот-вот начнется...

Чэн Цзин глубоко вдохнула, в её голосе зазвучали властные нотки: Чэнчэн, сначала вернись со мной.

Она уставилась на фигуру у ног Чэн Цзинь: Тебе не нужно вникать в дела здесь, я сама со всем разберусь. А ты сейчас же отправляйся обратно.

Чэн Цзинь заметила, что Чэн Цзин использовала слово разберусь. Очевидно, не с комнатой, а с кем-то еще. Конечно же, с Бай Синь.

— Как ты собираешься разобраться?

— Если она тебе настолько противна, я сделаю так, чтобы она навсегда исчезла из твоей жизни.

Чэн Цзинь: ...

Кто еще исчезнет — большой вопрос. Бай Синь всё еще в периоде течи, если затягивать, её сущность омеги рано или поздно раскроется. Тогда жизнь в этом мире будет окончательно обречена.

Чэн Цзинь помолчала мгновение и понизила голос: Сестра...

Этот тон на самом деле был прощупыванием почвы. Чэн Цзин вздрогнула, на мгновение в её глазах мелькнула подлинная радость. После того случая Чэн Цзинь уже очень давно не обращалась к ней так...

Умение считывать взгляды у Чэн Цзинь было врожденным, она заметила, как смягчилась Чэн Цзин: показная слабость сработала.

Следом она сказала: С этим делом я хочу разобраться сама.

...

Чэн Цзинь стояла на балконе гостиной и смотрела вниз: перед уходом Чэн Цзин оставила ей машину.

Это вызвало у неё некоторое любопытство: Чэн Цзин действительно была очень привязана к

оригиналу, совсем как в книге, но что же такого произошло, что они так рассорились?

Впрочем, сейчас это было не самым важным вопросом. Она в общих чертах осмыслила факт перемещения: вернуться в свой мир, вероятно, будет очень сложно, а может, шансов и вовсе нет.

Так что сейчас главное — если она хочет комфортно жить здесь, нужно прежде всего решить вопрос с Бай Синь.

Только она об этом подумала, как услышала шум за спиной.

Чэн Цзицин обернулась. Обычно точка у омеги без подавителей не прекращается внезапно, а идет волнами, одна сильнее другой. Они повторяются снова и снова, пока период окончательно не закончится.

Сейчас стало немного спокойнее, розовый оттенок с лица Бай Синь начал спадать, кожа снова стала бледной, отчего лицо казалось еще более хрупким и изящным.

Чэн Цзицин: Хорошо, что ты поняла мой намек.

Когда она откинула одеяло, тот взгляд, которым они обменялись с Бай Синь, был намеком: если не хочешь раскрыть свою тайну, не двигайся.

— Какова твоя цель?

Почему Чэн Цзицин помогла ей скрыть статус омеги? Бай Синь, о чем-то подумав, холодно усмехнулась: Хочешь снова провернуть тот же трюк? Чэн Цзицин:

—

Чэн Цзицин онемела.

— Что бы я сейчас ни сказала, ты всё равно не поверишь, но я не подсыпала тебе никаких препаратов. Впрочем, забудь — кто ж поверит таким блеклым оправданиям.

Чэн Цзицин произнесла:

— Тебе всё-таки лучше съездить в больницу, а потом я отвезу тебя обратно.

Она помедлила:

— Я отвезу тебя не потому, что мне хочется повторения...

Чэн Цзицин договорила только до половины, заметив, как странно на неё посмотрел Бай Синь.

Она немного помолчала. В её словах и впрямь таился некий подтекст — выходило так, будто

это она брезгует человеком и не хочет иметь с ним дел во второй раз.

Конечно, это вовсе не значило, что ей самой ужасно хотелось повторения.

Чэн Цзицин пояснила, почему решила отвезти её:

— Ты сама видела отношение Чэн Цзин. Если ты сейчас останешься одна, боюсь, она начнет докучать тебе. Тогда твой статус омеги станет невозможно скрывать.

По крайней мере, нужно пережить сегодняшний день.

На лице Бай Синь отразилось недоверие: она не находила ни единой причины, почему Чэн Цзицин стала бы так поступать.

И всё же... слова Чэн Цзицин были не лишены смысла.

Чэн Цзицин заметила, что Бай Синь колеблется.

— Так что, едем в больницу или как?

В черном Майбахе помощница Чэн Цзицин получила известие о том, что они обе покинули виллу.

— Госпожа отвезла ту альфу в больницу, кажется, на нее тоже подействовал стимулятор, — добавила помощница. — Наверное, госпожа тоже не хочет раздувать скандал... и заставлять вас волноваться.

Чэн Цзицин:

— Если бы она боялась меня расстроить, то не стала бы совершать столь безответственных поступков.

О том, что был подсыпан препарат, Чэн Цзицин услышала еще до приезда. Сначала она подумала, что целью была Цинь Юйфу, однако подчиненные проверили — Цинь Юйфу преспокойно находилась в офисе. Вспомнив тот кавардак, который она застала, примчавшись на место, Чэн Цзицин до боли сжала пальцы так, что костяшки побелели:

— Выясните наконец, кто именно был тем омегой, что вчера находился с Чэн Цзицин.

Помощница отозвалась:

— Слушаюсь. А как быть с Бай Синь, стоит ли с ней что-то делать?

В мыслях Чэн Цзицин звучали лишь слова, брошенные ей Чэн Цзицин на вилле в знак противостояния, а до какой-то там низкосортной альфы, как Бай Синь, ей не было никакого дела:

— Следите за ней. Если Бай Синь посмеет нести чушь и во всем обвинять других, семье Бай тоже придется несладко.

Всю дорогу царило молчание.

На просторном заднем сиденье автомобиля Чэн Цзицин и Бай Синь сидели по разные стороны.

Больницу, куда они направлялись, Бай Синь назвала сама, и Чэн Цзицин согласилась без малейших колебаний.

Чэн Цзицин скользнула взглядом по окну и увидела в зеркальном отражении собственное лицо: если не считать чуть более коротких волос, всё осталось прежним.

Но в то же время изменилось абсолютно всё.

За окном машины проносились залитые знойным солнцем городские пейзажи. Еще вчера она выбирала в интернет-магазине зимнее пальто, а сегодня оказалась в августе совершенно другого мира.

Стекло было горячим, лучи солнца тоже обжигали.

И только ее сердце хранило прохладу.

Дело было вовсе не в том, что ей было жаль каких-то родственников или возлюбленных — таковых у нее отродясь не водилось.

В своем прежнем мире она росла в детском доме, а больше всего на свете любила съемки, путешествия и кошек. Она рано стала самостоятельной, рано начала сниматься, и у нее почти не оставалось времени на заведение друзей — разве что агента и помощницу можно было назвать таковыми.

Но, кроме собственной жизни и денег, ей действительно не о чем было сожалеть.

Даже очутившись в другом месте, надо ведь как-то жить дальше, верно?

Размышляя об этом, Чэн Цзицин прикинула: машина и водитель принадлежат Чэн Цзин, в больнице полно народу, так что толком не поговоришь — лучше дождаться, пока Бай Синь закончит медосмотр, и уже тогда всё с ней обсудить.

Удастся помириться — помирятся, а не удастся...

Чэн Цзицин погладила на запястье нитку четок из белого нефрита бодхи.

Янтарный свет пал на половину ее лица, лисьи глазки сузились, а карие зрачки блестели чисто и прозрачно, словно драгоценные камни.

Раз уж она смогла в одиночку благополучно дожить до двадцати восьми лет в прежнем мире, дело тут было не только в везении.

Пока Чэн Цзицин предавалась раздумьям, Бай Синь медленно повернула голову и посмотрела на нее. В ее взгляде читалось нечто неопределенное — никто не мог угадать, что творится у нее в голове.

Машина остановилась у больницы.

Чэн Цзицин вышла первой и через корпус автомобиля посмотрела на Бай Синь.

Платье на Бай Синь было с прежней хозяйки тела — лаконичное черное платье миди с рукавом до локтя. Рост Бай Синь был на пару сантиметров ниже ее собственного... длинная юбка доходила до щиколоток, в остальном тоже всё было вроде бы нормально, только в груди платье сидело внатяжку.

Чэн Цзицин даже дышать стало как-то неловко, и она заметила:

— Вообще-то, в шкафу еще штаны лежали.

Они бы тоже скрыли следы на ногах.

Вторую половину фразы она произнести постеснялась.

Бай Синь бросила на нее взгляд и ничего не ответила.

Навязываться Чэн Цзицин не стала — она была вовсе не из тех, кто старается всем угодить. Отпустив водителя назад, она вместе с Бай Синь направилась внутрь больницы.

У парадного входа больницы было три ступеньки, и, заметив неестественную походку Бай Синь, Чэн Цзицин вдруг всё поняла.

Чувство вины вновь слегка шевельнулось в ее душе...

На часах было девять утра.

В частной клинике людей оказалось немного, и в воздухе почти не чувствовался запах антисептиков.

Они поднялись на лифт.

— На какой этаж нам нужно?

— На шестнадцатый.

Чэн Цзицин нажала шестнадцатую кнопку, над которой значилось: Специализированное отделение АО-исследований.

Лифт остановился на промежуточном этаже, и внутрь ввалилось несколько человек с объемными баулами и пакетами, вмиг заполнив всё свободное пространство.

Чэн Цзицин отступила в сторону, невольно оказавшись оттесненной назад. Скосив глаза, она заметила, что Бай Синь чувствует себя некомфортно, а кто-то из пассажиров задел ее руку жестким бумажным пакетом.

В толще людей обзор пропал, и Чэн Цзицин отвела взгляд, с чего-то вдруг подумав о том, что кожа у омег очень нежная — стоит чуть сильнее надавить пальцем, и останется след.

Пока ее мысли витали где-то далеко, рука уже сама собой протянулась вперед, ухватила Бай Синь за запястье и рывком притянула к себе.

Затем, слегка согнув руку в локте, она отгородила Бай Синь от окружающих.

В тот миг, когда ее резко притянули, Бай Синь насторожилась, но тут же сообразила, что именно делает Чэн Цзицин.

Этого человека она действительно пока не понимала до конца.

Хотя они не были близки настолько, чтобы соприкасаться телами, стояли они очень близко друг к другу, и нельзя было не признать: от альфы исходил совершенно особый,

заवораживающий аромат.

Она мало что смыслила в запахах цветов персика, а потому до самого недавнего времени даже не представляла, какими именно духами пользуется Чэн Цзицин. Но в ту же секунду она вдруг различила этот запах — персик, если точнее, периковое вино.

У самих по себе периков не было столь выраженного аромата, но от альфы он исходил более чем отчетливо, по крайней мере, ей так казалось.

Бай Синь подавляла поднимающуюся внутри волну жара, ее колени невольно дрожали, она из последних сил сдерживала желание прижаться к альфе и зажмурилась. Самое отвратительное в природе омег заключалось именно в этом: стоило кому-то временно их пометить, как они начинали испытывать трепетную привязанность к феромонам этого человека. Снова открыв глаза, она скользнула взглядом по изящной шее Чэн Цзицин и маленькой родинке посредине. А затем заметила, как кадык Чэн Цзицин дернулся.

Бай Синь отвела взгляд: внешность у той была поистине первоклассной, а четки на запястье и впрямь придавали ей некий налет воздержанности. Неудивительно, что, какие бы грязные слухи ни ходили вокруг Чэн Цзицин, юные омежки всё равно толпами вились за ней. Рост Чэн Цзицина составлял метр семьдесят шесть, а Бай Синь — около метра семидесяти трех. На протяжении всего пути та даже не опустила голову, чтобы взглянуть на нее, во многом из-за нежелания попасть в неловкое положение.

Она боялась, что Бай Синь подумает, будто та устраивает ей прижим к стене прямо в лифте, а подобными замашками она вовсе не страдала. Поэтому, как только толпа расступилась, Чэн Цзицин тут же отстранилась и отступила назад.

Добравшись до шестнадцатого этажа:

— Мисс Бай, почему вы сегодня пришли? — привычно и дружелюбно поприветствовала ее медсестра.

Бай Синь спросила:

— Доктор Тан на месте?

Медсестра ответила:

— В кабинете, идите.

Лица Бай Синь не дрогнула от такого радушия, она лишь слегка кивнула. Чэн Цзицин между делом бросила:

— Ты часто здесь бываешь?

— Я сама дойду.

С этими словами Бай Синь остановилась и обернулась, взглядом призывая ту прекратить преследование. Каким бы жалким ни было прошлое Чэн Цзицин, она всё-таки в свое время завоевала титул королевы экрана, и везде ее носили на руках и баловали. Она уже давненько не терпела подобного пренебрежения.

Погладив четки на запястье, она мысленно вздохнула: «О, милосердный Будда».

Кто же виноват, что вчера вечером сверху оказалась ты?

И кто заставил тебя брать сценарий презренной и пушечной альфы-злодейки? Чэн Цзицин быстро взяла себя в руки, уселась на стоявшее неподалеку кожаное кресло и принялась ждать. Окружающие медсестры то и дело бросали на нее любопытные взгляды; привыкшая к постоянному общению с фанатами, Чэн Цзицин машинально подняла руку и помахала:

— Привет.

Бай Синь, еще не успевшая войти в кабинет, услышала это, оглянулась и бросила на нее косой взгляд.

Уж чего-чего, а блудливости ей не занимать.

И как такой человек мог оказаться невинным?

— Тебя пометели?

Это были первые слова, которые услышала Бай Синь, переступив порог кабинета.

Женщина в белом халате, с черными волосами до плеч и в очках в золотой оправе сидела в кресле — это была заведующая отделением специальных анализов и единственный врач, к которому Бай Синь обращалась все эти годы, Тан Цзя.

— С чего ты взяла? — красивые брови Бай Синь слегка нахмурились от недовольства.

— Сияющий вид и неутоленная жажда.

— ...

Тан Цзя чуть заметно улыбнулась и перевела взгляд на шею Бай Синь:

— Шутю, шутю. Просто у тебя на шее следы.

Бай Синь и сама об этом позабыла, но выражение ее лица ясно давало понять Тан Цзя, что шутка вышла неудачной.

— Ладно, вернемся к делу, — Тан Цзя посерьезнела. — Что произошло?

Едва дойдя до середины краткого пересказа... Тан Цзя рассеянно поглаживала пальцем перьевую ручку:

— Значит, кроме меня, Цинь Юйфу и Чэн Цзицин, о том, что ты омега, теперь знает еще и она.

Она помолчала:

— Трудно поверить, что свою первую метку ты отдала именно ей.

И Тан Цзя можно было понять. Избранного с таким трудом жениха Бай Синь разрушила именно Чэн Цзицин своими грязными методами; о помешательстве и одержимости Чэн Цзицин по отношению к Цинь Юйфу в тусовке знали практически все. И вот теперь Бай Синь, бывшая жена Цинь Юйфу, оказалась помечена Чэн Цзицин.

Иначе как абсурдом это назвать было нельзя.

В спокойном голосе Бай Синь прозвучала доля равнодушия:

— Строго говоря, это я позволила ей меня пометить.

Тан Цзя приподняла одну бровь:

— Продолжай.

— Она остановилась.

Бай Синь чуть приподняла веки, и в ее глазах под птичьими крыльями ресниц отразился золотистый свет, пробивавшийся сквозь окно.

Они напоминали кошачьи глаза.— Чэн Цзицин остановилась. В тот момент Чэн Цзицин прервала процесс и внезапно спросила, добровольно ли она на это идет.

Кажется, после этого было что-то еще... Вроде вопроса, не заставил ли ее кто-то силой из-за денег? Вроде бы так, она уже смутно припоминала.

Но первую фразу расслышала отчетливо. Возможно, произнося это, Чэн Цзицин была не до конца трезва, но рассудок ее при этом работал ясно. И тогда она ответила Чэн Цзицин всего двумя словами...

Тан Цзя, услышав это, уточнила:

— И тогда ты...

— Потребовалось, — произнесла это, Бай Синь не испытывала ни капли стыда. Из-за особенностей своего телосложения за все эти годы она натерпелась столько мучений, что слово «стыд» почти стерлось из ее памяти.

Тан Цзя положила ручку на стол, помолчала пару секунд и тихо вздохнула.

Бай Синь была невероятно редким омегой SSS-класса. О подобных уровнях Тан Цзя прежде читала лишь в медицинских трактатах, и когда узнала об этом впервые, была потрясена до глубины души.

Помимо нормальных для любой омеги физиологических особенностей, анатомическое строение Бай Синь как омеги SSS-класса включало в себя еще один половой признак — вторую железу.

Иными словами, у Бай Синь было две железы.

Одна находилась на шее, а вторая — в месте, скрытом от посторонних глаз.

Наличие второй железы делало тело Бай Синь еще более особенным.

Она обладала чувствительностью, которая ровно в двадцать раз превышала показатели обычных омег, а потому терпеть не могла глухие воротники и носила по большей части платья.

Особенно в период течки.

В теории, чтобы справиться с течкой, Бай Синь достаточно было найти всего одного альфу.

На самом деле, во время самой тяжелой течки она пыталась это сделать, но увы... Наверное, в этом и заключалась уникальность ее трижды энного уровня — стоило Бай Синь вступить в тесный контакт с альфой, как ей становилось дурно, даже если это был альфа S-класса.

Ей еще ни разу не удавалось довести дело до конца. Бай Синь спокойно произнесла:

— За исключением Чэн Цзицин.

Автор пишет:

Малышка Чен: Женщина, признайся, это ты положила на меня глаз!!!

<http://bllate.org/book/21912/2276379>